

Николай
ЗАЙЦЕВ

НАРИСОВАТЬ ВОЙНУ

Сами Боги не могут
бывшее сделать не бывшим.

Древнегреческая поговорка

В детстве я какое-то время очень любил рисовать войну. На выполненных карандашом, нехитрых картинках люди стреляли из ружей, автоматов и пулемётов, горели танки, летели самолёты. Однажды листочки бумаги с этими неумелыми рисунками увидел мой отец – ветеран Великой Отечественной войны, инвалид – и спросил: «С кем ты это воюешь?». Я бесхитростно ответил: «С немцами». «Да, всё правильно, больше вроде и не с кем нам воевать, все остальные только руки потирают да масло в огонь подливают», – сказал тогда отец.

Эти слова отца запомнились, но осмысление сказанного им пришло гораздо позднее и, как всегда, когда достигается понимание мудрости целого поколения людей – это просветление ума явилось вовремя. Ко времени других событий, во время которых начало расплываться, размываться, а где-то и вовсе исчезать нормальное человеческое понимание правды и лжи. Нет, основание этих неистребимых истин оставалось твёрдокаменным, но их возвышение над лживыми измышлениями трусливых интерпретаторов истории стало замедляться, а после известных венгерских событий, позже чешское восстание и совсем непонятная война в Афганистане изменили соотношение сил и посеяли в сознании мирового сообщества, благодаря западной пропаганде и злословию собственных дисидентствующих умников, сомнения по поводу Великой победы нашего народа над фашистами. Но первый, основной удар был нанесён Никитой Хрущёвым в 1956 году в закрытом заседании на двадцатом съезде коммунистической партии Советского Союза, где он пытался разоблачить деятельность Иосифа Сталина во все годы его единоличного правления. Это было началом придания сомнению понимания чести и достоинства собственной страны, а, значит, принижение славы Великой Победы, вершителем которой был советский народ, руководимый коммунистической партией и её великим вождём. Да-да, именно великим, потому что с его именем советские воины подымались в бой на врага, простые люди день и ночь трудились на заводах и полях нашей великой страны. С этим именем жили и умирали люди в блокадном Ленинграде, не теряли надежды на победу, находясь на оккупированной врагом территории, партизанили в лесах Украины и болотах Белоруссии. У фронтовиков отняли священное имя, которым ковалась победа – её символ. Мой отец определил движение атаки на Сталина такими словами: «Не знают, что творят. Он знал, что делал – они нет. Когда мы вставали из окопов за Родину, за Сталина – мы знали, что мы идём к Победе. Куда мы пойдём теперь? Вместе с именем вождя мы потеряли общую цель, у каждого человека теперь своя станция. Мы перестали быть народом, мы теперь только попутчики».

Советский народ, в своём большинстве, не принял политику государства по развенчанию культа личности Сталина. Нельзя восхвалять эпоху, вычёркивая из неё имена вождей и дни их правления, объявлять несправедливостью жизнь в эти времена, оставить праздники без имени тех людей, которые стали их символами. Целая эпоха жизни нашей страны, после Октябрьской революции, неожиданно для всех одряхла и стала распадаться на куски прожитого времени – светлые и тёмные, героические и нет. Сметались памятники и названия, связанные с именем вождя народов, а взамен всплывали из небытия мелкие участники великих событий. Пустое человеческое желание руководства партии во главе с Хрущёвым – собственного возвышения, выхода из тени вождя народов, разделило умы народа на «за» и «против». Этот раскол общества, слава Богу, не привёл к гражданской войне, но негативно повлиял на единство народной мысли – появились люди несогласные с политикой партии. Народ и партия перестали быть едиными.

Ветераны Талгарского полка дивизии имени И.В. Панфилова.
Второй справа в первом ряду – П.Р. Зайцев

Герои войны, фронтовики, ветераны дивизии им. Панфилова, Талгарского полка, что формировались в наших краях, в казахстанском Семиречье, бойцы которых насмерть стояли в битве под Москвой, защищая столицу от ненавистного врага, вдруг стали реже появляться в доме моего отца, а если и приходили, говорили негромко, почти шёпотом и мне казалось, что не только радость на их лицах в дни праздника великой Победы потускнела, но менее светел теперь был блеск боевых наград, теснящихся на их груди. Обида от небрежения руководства, спасённой ими страны, к памяти великого вождя, с именем которого они сражались в героические дни войны, поразила ветеранов в самое сердце. Они знали, эти умудрённые жизнью и войной люди – этот коварный удар по авторитету вождя станет началом неверия народа всем будущим руководителям страны, их словам и делам и приведёт к разрушению основ государства. Фронтовики, как никто, по-

нимали – страна не может существовать до или после каких-то событий, страна должна жить всегда и иметь свою полную, истинную историю.

Многожды прав был великий полководец Георгий Жуков – Георгий Победоносец, ниспосланный нашему народу Господом, чтобы спасти Россию от гибели, а с нею и весь Божий мир, – высказавшийся после окончания победоносной войны с фашизмом совсем не по праздничному, невесело: «Война не закончена. Никому и никогда не победить нас в открытой, честной драке. Теперь они будут воевать внутри нашей страны, и мы сами им в этом поможем». Говорил он такие слова или хотел сказать – неважно, но эта горькая мысль, как предупреждение будущим правителям и народу, сопровождает прочтение мемуаров архистратига, которые были написаны им в нелёгкие дни своей опалы и раздумий о судьбе Родины. Правда его слов стала очевидна в нашем времени. Нас победили вторжением в нашу страну без оружия, пропагандой «культурных» ценностей, чуждым нашему сознанию, соблазнили взоры людей одеждой американских чабанов, образом хиппи – обычного бродяги, растлили душу, отлучением от веры отцов – зазывая в секты и моленные дома, проповедающие символы и слово дьявола. Солженицын и Сахаров стали слепыми поводьями, ведущими ослепший народ к пропасти, падение в которую и случилось во времена гобачёвско-ельцинской перестройки советского общества. За всем этим всенародным безумием с восторгом наблюдали западные переменчивые «друзья» нашей страны. Мелкотравчатые узники «советов», получив лицензию полной свободы от этого человеческого чувства, на всех подмостках, бросились клеймить позором прошлое своей страны, как близкое, так и далёкое. Вышколенные в институтах США и Канады новые комиссары, на этот раз без пыльных шлемов, но прикинутые в импортные шмотки от щедрот заокеанских хозяев, вещали о будущей свободе от всех и всего. Только огромным усилием воли и разума достойных граждан Великой страны удалось, в который раз, сдержать нашествие цивилизации дикарей.

Почему были сказаны эти грустные слова в начале повествования о Великой Победе, незыблемой памяти о ней у всех будущих поколений, что вырастут и будут жить на пространстве планеты Земля? Потому, что слишком много нашлось нынче и в прошлом тоже, деятелей из либеральных кругов, а теперь уже и на более высоком уровне, рассуждающих о Великой войне, как о схватке сил зла – коммунизма и фашизма. Им надобно превратить нашу Великую победу в миф, тогда сама Великая Отечественная война станет столкновением неких мифических сил зла, которые давным-давно истребили друг друга в этой схватке двух мировых чудовищ. Но раз оба чудовища погибли, значит, и победителей нет. Тогда нет и Победы. Нашей Победы. А вот Англия и Америка, вовремя прибывшие со своими войсками на послевоенные торги территориями и ценностями, обозначатся в истории великими миротворцами, победителями сил зла. Если такое произойдёт, то и сама Россия превратится в миф, а русский народ, в когда-то живших здесь людей. Такая вот будет цена нашему беспамятству. Комиссары, свершившие революцию в России, заставляли нас забыть всю нашу прошлую русскую жизнь, веру, царя и Отечество, новые революционеры опять рушат памятники, обезображивают лживыми измышлениями нашу историю, а в это время агрессивная натовская демократия подбирается к границам нашей страны. Ещё на ялтинской конференции, в феврале 1945 года, когда лидеры стран антигитлеровской коалиции обсуждали послевоенное будущее Европы, Черчилль выразился довольно пространно на этот

счёт, мол, пусть всем достанется по потребностям, а Германии по её силам. На что Сталин ответил более конкретно и бескомпромиссно: «Пусть всем достанется по заслугам». Этими несколькими словами Иосиф Виссарионович дал понять лидерам мировых держав, что Великая победа принадлежит нашей стране без всяких оговорок. Заслуженно. И признание этих заслуг – неколебимо.

Но вернёмся к празднованию дня Великой Победы, который всегда будет жить в сознании всех будущих поколений нашей страны, той страны, что победила фашистские полчища, а с ними и всю мелкую европейскую сволочь, ринувшуюся вместе с фюрером на грабёж СССР. И весь мир честных людей тоже вспомнит нашу Великую победу и возрадуется, все другие пусть вздрогнут от осознания собственной гнусной лжи, в которой они погрязли по самые головы.

Первое моё стихотворение было о войне. Не знаю, почему это случилось, но оно сразу попало в печать, и с него началась моя творческая жизнь. Наверное, так и должно было случиться в жизни у сына фронтовика, уважающего седины отцов и верящего в неувядаемую славу Родины на всех путях её вечной жизни.

Спросил меня однажды сын,
Скажи мне, папа,
Кому здесь памятник стоит,
Фигурой, каменной, солдата?
Что же ответить, мой малыш,
Живущий в добром мире сказок,
И как поведать мне о том,
Понятным, для тебя, рассказом.
То было в тот далёкий год,
Для нашей Родины тяжёлый,
Как тучей чёрною – войной,
Шёл враг на нас, на всё готовый.
Но встали тут богатыри,
Сыны страны нашей огромной,
Подняли острые штыки,
Закрыв нас грудью, в час тот грозный.
Погибли многие из них
На том великом поле бранном,
В народной памяти они
Стоят с живыми, строем равным.
И вот в единый слившись рост,
Выросли в того солдата,
Что счастье жизни нам принёс,
Своею заплатив когда-то.
Стоит он здесь, чтоб помнил ты,
Кому обязаны рождением.
Давай, подарим мы цветы
Ему – от наших поколений.

Потом появились новые произведения о войне, слова их обратились в песни, и это радовало, но оставалась какая-то личная неудовлетворённость, а, может, недосказанность ещё чего-то своего, пережитого теми людьми, что всегда находились рядом и пролили на фронтах войны кровь, которой наполнены и твои

сосуды и сердце. И тогда я стал внимательно присматриваться к своему отцу, к его друзьям ветеранам-панфиловцам, вслушиваться в их немногословие о событиях войны, когда они собирались за столом, в нашем доме, в день праздника Великой Победы. Они не любили вспоминать о войне, а тем более о своих боевых подвигах, но свято верили в единый несокрушимый подвиг всего народа, всей страны. Я замечал, как молоды они становились, когда разговор заходил о том нелёгком для страны времени. Да, то было жестокое время, но в том времени жила их молодость – с радостью, горем и... героизмом. Какая радость может быть на войне? А вот, когда солдаты, не покидавшие окопы в течении долгого времени, защищая подступы к столице – Москве – вдруг узнали, что враг отступает – радостней события в их жизни больше не было. Так они говорили мне. Много было потом побед и героизма, и беды, но радость первой победы над жестоким врагом осталась в их памяти навсегда. Заслуженная ими радость, и она принадлежит нам всем по праву наследования их памяти и славы героев. Никогда и нигде нельзя забывать об этом.

Орды вздыбились перед Москвою,

Умерли трусы и пали герои.

Орды вздыбились перед стеною,

Старой, Московской, стеною героев.

Что же так повлияло на мою память о том Великом времени, когда наши деды и отцы, не жалея своих сил и жизни, сражались на фронтах Великой Отечественной? Конечно, книги о войне, конечно фильмы о ней... Конечно, судьба моего отца, это лишь одна из многих жизней в нашем Отечестве. Но я решил сохранить события этой дорогой для меня жизни и как сумел, со слов моего отца записал некоторые звуки его шагов на дорогах прошлого, незабываемого времени.

На войну Зайцев Пётр Руфетович ушёл не сразу. Казахстанский уголь стране был нужен не меньше солдат. Продолжал работать на шахте рудника Акчатау вплоть до сентября 1941 года. Сборы на фронт были недолги – враг рвался к Москве. Всего с шахты в армию было призвано семьдесят пять человек. В Шетск, на станцию, добирались на верблюдах, по трое в повозках. В ауле Аксуйлу новобранцев застала метель. Мело так, что пришлось остановиться на постой у местного жителя. В семье хозяина-казаха, к которому попали на постой Пётр и ещё два новобранца, сын уже находился на фронте, и вестей от него давно не было – приняли их, как родных. Три дня не унималась метель, и, казалось, ей не будет конца. Тронулись только на четвёртый день. Хозяин дал им в дорогу немного продуктов и, провожая, всё просил ребят разыскать на фронте его сына и передать ему, что его ждут дома. Вот такое было представление о масштабах войны у простых людей.

Добрались до станции Шетск. Городок был переполнен людьми, бегущими от войны, не погорельцами с оккупированных территорий, а вполне здоровыми мужчинами, пригодными к воинской службе. Кто-то защищал в смертельных сражениях с врагом Родину, иные же спасались бегством в Сибирь и Среднюю Азию. Кем были эти дезертиры, Пётр не знал, но помнит, что у этих людей, спешащих в укромные места нашей страны, при себе находились крупные суммы денег, в мешках, чемоданах, и они наперебой угощали новобранцев едой и водкой и разговаривали между собой на незнакомом языке. Воистину сказано – «кому война, кому мать родна».

Из Шетска отправились дальше уже в теплушках. В Семипалатинске началось распределение. Ровно три дня Пётр и ещё четыре парня, не имеющие никакой воинской специальности, обучались истреблению танков. Так, на скорую руку, готовили ребят, никогда не видевших танков, орудий, окопов, к самой долгой, жестокой и кровавой, в истории человечества, войне. Здесь же выдали обмундирование и снова поезд до – Новосибирска, потом до Свердловска.

В Свердловске, на станции, трое парней, из пятерых истребителей танков попали под проходящий поезд. Из-за этого происшествия теплушки с новобранцами заперли на замок и не открывали до самой Москвы. Так и прибыли в район разъезда Дубосеково. Из теплушек, посчитав и построив, новобранцев повели в баню. Но только намылились, раздались крики: «Тревога, танки». Наспех одевшись, новобранцы попали в окопы. Как говорится «из огня, да в полымя», правда, здесь скорее наоборот. Так началась для Петра Великая Отечественная война. Был конец сентября 1941 года.

Начались бесконечные бои. Танки, танки со зловещими крестами на броне. Сколько их было, сотни, тысячи? Истребители танков действовали бесперебойно. Одни вязали связки гранат по пять штук в каждой связке. Четыре гранаты ручками вверх и одна посередине ручкой в обратную сторону. За эту ручку и брался боец. На задание выходили из окопа по двое. Обходили, а вернее обползали, танк с двух сторон и бросали гранаты по тракам гусениц. Кто возвращался в окоп, кого косили из подбитых машин пулемёты. В промежутках между танковыми атаками, отражали атаки пехоты. Для этого у Петра под рукой находился пулемёт Дегтярёва и, слава Богу, имелись навыки охотника. Ходили в контратаки. Такое случалось редко. Командиры орали: «Вперёд» – но желающих бросаться с винтовкой на железную громадину находилось мало.

Молодёжь, с её желанием драться, удерживали в окопах старики, которые понимали бесполезность таких вылазок. Просто хватали за шинель и удерживали в окопе. Это была хватка отцов, сознающих важность жизни своих сыновей, для победоносного продолжения этой войны. Назад было нельзя, там ждала победы столица великой страны – Москва, обессилевшая от бомбёжек, голода и холода, но верившая в своих сыновей – защитников-героев.

Прибывали новобранцы, теперь уже сибиряки. Хорошие, здоровые ребята, но едва-едва обученные воинскому делу, и хотя у себя дома, в тайге, слыли удачливыми охотниками на любую дичь, в битве против железных чудовищ, эта подготовка их плохо выручала. Не успевали привыкнуть к войне – гибли, на их место заступали другие. Отдыхали только по ночам. Ночью немцы не воевали. «Ахтунг, ахтунг, – кричали в сумерках громкоговорители с другой стороны фронта. – Рус Иван, не стрелять, отдыхать». Откуда было немцам знать, что русский Иван был не одинок в этой войне, все народы великой страны поднялись на защиту Отечества, и эти усталые солдаты, разных национальностей, валились на дно окопа спать, чтобы утром снова бить захватчиков. Пётр вспоминает, что бойцы даже благодарили противника за этот ночной покой, такими словами, которые могли даже служить утешением врагу, в короткие часы отдыха, между ожесточёнными боями. Менялись люди, всё больше и больше неподвижных танков дыбилось на протяжении тридцатикилометровой зоны, защищаемой дивизией генерала Панфилова. Всё это было, как один день и как целая жизнь. Всё делалось автоматически: гранаты, танки, окоп и снова окоп, гранаты, танки.

Петру повезло, он закончил бои под Москвой живым и невредимым, если, конечно, не считать израненной души, горевшей неодолимой болью за погибших на его глазах друзей, ставших родными и близкими, оставшимися в памяти навсегда молодыми защитниками нашей Родины.

В начале декабря на позициях обороны появились бойцы разведбата с неожиданным известием: «Немцы отступают». Сколько было радости, слёз и криков. Но война продолжалась и в этом пожаре, охватившем большую часть мирового пространства, закончилась только первая из самых жестоких битв. Началась передислокация войск. Через Клин пешком пришли в Калинин. В Калинин, на центральной площади, оккупантами было устроено кладбище для погибших солдат и офицеров из войск СС. Поступил приказ освободить площадь от чужих захоронений. Трупы эсэсовцев выкапывали и вывозили за город, где их сжигали. На эту нелёгкую работу ушло два дня.

Дальше двинулись на машинах. Остановились недалеко от Ржева. И хотя дома в деревне, где приказано было расположиться, остались, в большинстве своём, целы, а жителей не было, ночевать в избах настрого запретили, боялись налётов вражеской авиации. Спали на соломе, укрываясь от холодного ветра, под стенами домов. Позже, поблизости застрял армейский автомобиль, и когда солдаты выталкивали его из заноса, майор, ехавший в машине, всё расспрашивал бойцов об их фронтовом житье-бытье. Он страшно рассердился, узнав, что люди ночуют на улице. Когда вернулись в расположение части, уже поступило разрешение жить в домах, но печей не топить. Приезжий майор позаботился. Под крышей жить всегда веселее, даже в ожидании приказа о наступлении. Впереди был Ржев, оккупированный фашистами.

Позже, когда разрешили затапливать печи в домах, жить стало совсем уютно. Когда потрескивают в огне дрова и тепло наполняет жилище, то приходят хорошие мысли о том времени, в котором нет войны. О ней, той жизни, все помыслы и рассказы солдат. В этих рассказах прошлое перемешано с будущим, много выдумки и откровенного вранья, но ещё незабытая радость всех этих, вырвавшихся из самых глубин души, слов, была самым искренним пожеланием скорее увидеть эту счастливую послевоенную жизнь. За эти воспоминания и свои мечты они шли в бой, умирали и рождались снова в других бойцах и в других мечтах и верили, верили себе и своим командирам.

В одну из ночей бойцов подняли по тревоге. Ночь темна, хоть глаз выколи. Командиры кричали, а куда идти никто не знал, солдаты буквально натыкались друг на друга. Куда-то шли, ползли, как слепые котята и, наконец, команда «отбой» принесла облегчение, что эта тревога не настоящая, учебная.

Однако уже на следующее утро двинулись к невысокой горе, из-за которой всё это время доносилась канонада. На подходе к высоте колонну начала обстреливать чужая артиллерия. С небольшими потерями перешли через возвышенность и вошли в лесок, где увидели множество развороченной, разбитой воинской техники, убитых людей и лошадей. Это были останки пушечных и миномётных расчётов, которые всё это время вели позиционные бои с противником. Похоронили людей, построили укрепления, приспособив для этого разбитую технику, и тут же приступили к отражению атак фашистов.

Пётр был командиром пулемётного расчёта. В его распоряжении находился пулемёт Дегтярёва и двое помощников, для подачи дисков с патронами и на слу-

чай подмены у орудия. Ножки у пулемёта были тонкие и потому проваливались в рыхлый снег, пропадала видимость объекта обстрела. Выход тому был найден простой – один боец из расчёта ложился на снег, ему на спину ставили пулемёт, так и воевали, при острой необходимости использовали трупы убитых товарищей – так мёртвые помогали живым сражаться с врагом... Другие солдаты были вооружены винтовками, о своих автоматах ещё не помышляли, правда, у некоторых бойцов уже появились трофейные. Атаки немцев чередовались с дерзкими вылазками наших бойцов. Множество людей попадали под пули снайперов, особенно было жаль зелёных мальчишек-командиров, которые направлялись на фронт сразу после училища и новенькой формой, знаками отличия привлекали к себе внимание стрелков. Снайперами в гитлеровском вермахте служили финские охотники. Они влезали высоко на дерево, привязывались к стволу и, укрывшись в ветвях, вели оттуда прицельный огонь. Обнаружив, их уничтожали, но вреда они успевали принести много. Их трупы так и оставались висеть на деревьях, прикованные к стволам цепями.

В одну из атак Пётр, со своим расчётом, укрепился на пригорке и вёл огонь по отступающему врагу. Кончились патроны. Он обернулся и увидел, что оба его помощника убиты. Только дотянулся и взял новый патронный диск, чтобы заправить его в пулемёт, как боль пронзила левую руку, спину и голову. Он потерял сознание. Когда очнулся, страшно болела голова, вся левая рука была в крови. Бой уже закончился.

С двумя ранеными бойцами, поддерживая друг друга, пошли в медсанбат. Там Петру перетянули руку жгутом и только через несколько часов, после этого, перевязали – раненных было очень много. Пришла машина и тех, кто ещё мог шевелиться, стали готовить для отправки в госпиталь. Петру повезло, он почему-то попал в кабину автомобиля, туда его посадил врач. Пётр до сих пор спрашивает себя, почему так распорядилась судьба, решившая уберечь его от смерти. Путь держали в г. Торжок. Водитель был опытный и выделял немислимые зигзаги, уходя от налетающих вражеских самолётов. Но в один из таких маневров влетел в кювет и машина перевернулась. Дверь заклинило. Водитель разбил стекло, вылез сам и вытащил Петра. Винить водителя в совершённой аварии нельзя, не свались они в кювет, погибли бы от попадания под бомбу. Из тех, кто мог ходить, оказалось всего семь человек, остальные остались в придорожной канаве и дальнейшая судьба их неизвестна, видимо все замерзли.

Водитель указал направление, куда нужно было идти, а сам взял винтовку и двинулся в сторону фронта. До Торжка было двенадцать километров ходу. По дороге встретился мужик на подводе, у него выменяли булку хлеба на пачку махорки. Пётр не курил, но табачный паёк получал, часть раздавал своим друзьям, немного оставлял на всякий случай. Тут припрятанная махорка и пригодилась. Когда ели хлеб, подошли дети, поделились с ними. Жаль было голодных детей, но помочь им больше никак не могли, сами оставались едва живы. Как добрались до госпиталя, Пётр помнит смутно, мучила сильная боль в руке, ею отдавался каждый шаг. В госпитале рану вскрыли, и гной хлынул струёй. Сразу стало много легче и он, от нахлынувшей слабости, потерял сознание. Ещё бы пару часов в дороге и Пётр навсегда бы остался в той земле. Он всегда считал, что это молитвы истово верящей в Господа матери, Харитины Епоксимовны, хранили его в этом тяжком пути.

У Петра оставались деньги, взятые ещё из дома. Он отдал их медсестре и после недолгого лечения попросил её, когда будет поезд на Москву, отправить его с ним. Медсестра, опять на его счастье, оказалась доброй и честной женщиной и ночью сама отвела его на станцию и проводила. Санитарный поезд шёл под постоянный гул летящих самолётов. Это наши истребители сопровождали поезд, с красными крестами на крышах. Фашисты не признавали никаких гуманитарных знаков и бомбили всё подряд. Были очень злы, после поражения под Москвой.

Состав прибыл в Москву. На вокзале, в зале ожидания, к Петру подошёл молодой парень и попросил закурить. Пётр отдал ему последнюю пачку махорки. Разговорились. Когда тот узнал, что Пётр из Казахстана, то взял его под руку и повёл, говоря, что где-то на путях формируется санитарный поезд до Новосибирска. Новый знакомый сделал доброе дело до конца. Завёл в вагон, положил раненого Петра на полку, попрощался. В те тяжёлые годы люди старались помогать друг другу, сплывались в единый народ. Сейчас думается, неужели для того, чтобы любить ближнего своего, нужно всё потерять, подвергнувшись страшным испытаниям. Неужели только в горе рождается человеческое участие к судьбе страждущих его. Хочется верить, что это не так.

Комиссия, которая осматривала санитарный поезд, готовя раненных к отправке, едва не удалила Петра из вагона, так как его фамилии не было в списках отправляемых в тыл. Но главный врач, осмотрев его раны, приказал оставить.

Но до Новосибирска Пётр не доехал. В г. Мелекес Куйбышевской области всех раненных, нуждающихся в лечении, сняли с поезда и поместили в местный госпиталь. Курс реабилитации тяжело раненого солдата продолжался около шести месяцев. После выздоровления две комиссии определяли пригодность Петра для дальнейшего пребывания на фронте. Раздробленная кисть левой руки срослась, но пальцы не двигались, а так и остались, навсегда, в полусогнутом состоянии. В госпитале Пётр перенёс операцию по удалению осколка, который впился в гортань, но к счастью не пробил её стенку. Врач, делавший операцию, сказал: «Повезло тебе, парень, долго жить будешь». В конце концов, Петра демобилизовали за непригодностью к воинской службе и под присмотром медсестры отправили в Караганду. На вокзале встретились земляки, ехавшие до станции Агадырь. Многие знали его по работе на шахте Кировская. Отпросили Петра у медсестры, правда, пришлось писать расписку об ответственности за самого себя. Так хотелось домой, после всех мытарств и все остальные мелочи казались делом второстепенным..

Добрались до станции Агадырь. Транспорт до рудника Акчатау ожидался только в понедельник, а была только пятница. Выручил водитель, вёзший лес на шахту рудника. Так в кузове, лёжа между досками, Пётр добрался домой. При подходе к своему четвёртому бараку его встретила сестра Фрося и брат Вениамин. Средний брат Семён воевал на фронте. Так закончилась для Петра Великая Отечественная война. На календаре начинался август 1942 года. Мать от радости только смогла вымолвить: «Слава Богу, живой».

Сразу вспомнились проводы на фронт. Многие обозлённые жизнью ссыльные новобранцы говорили промеж собой, что при первой возможности нужно сдаваться в плен, что воевать за коммунистов они не намерены. Харитина Епоксимовна слышала эти разговоры и потому строго сказала сыну: «Петя, ты и думать не смей о том, про что они говорят. Ты идёшь воевать за свою землю, за своих братьев

и сестёр. А то, что нас обижали, тому Бог свидетель и судья, они не знали, что творят. А власть – она от Бога, а мы свидетели её, после во всём разберутся и всем воздадут по их делам. Ты не должен позволить супостату погубить наш народ». Вот такие слова могла сказать простая русская женщина, мать, воспитанная в страхе Божьем и Пётр, как мог, выполнил её наставления. Он мог рассказать о войне и о своем участии в ней без всяких прикрас и как никто понимал, что молитвы матери спасли его от гибели в аду, где ему пришлось быть и воевать. В свои двадцать четыре года он успел побывать в шкуре врага народа, но теперь уже вырос в защитника того же народа. Неисповедимы пути Господа, которыми, однако, шагаем мы.

Нынешним поколениям искренне верится, что Великая Отечественная война прошла давно и никогда более не повторится. Дай Господь, чтобы так оно и получилось. Но есть люди, для которых война ещё не минула. Она являет свой зловещий облик в их сны, где прошлое навсегда срослось с памятью о войне, о её дорогах, на которых мужала их юность и молодость. И совсем неважно, где прожиты годы войны – на полях сражений или на хлебном поле, у станка или в тяжком труде по добыче угля, нефти, всего того без чего победить врага оказалось бы невозможно. Важно то, что нашу Великую Победу ковала вся огромная страна – от Бреста и до Камчатки. Эти люди, что приближали Победу, как могли, живут рядом с нами и не очень заметны в сегодняшней мирной жизни, но именно они подарили нам это самое простое на Земле счастье – жить. Они не жалеют, что их лучшие годы отданы защите Отечества, долгу, выше которого нет у человека, гражданина, патриота. Многое изменилось в нашей жизни со времени минувшей войны и великой Победы в ней, но никогда не исчезнет в наших сердцах чувство благодарности великому подвигу наших дедов и отцов, выстоявших в жесточайших сражениях на фронтах второй Мировой войны. Вдумайтесь в эти слова – Мировой войны. И в этом Всемирном сражении с силами зла, героизм нашего народа одержал эту Великую Победу, 71-ую годовщину которой мы торжественно отметим 9 мая, 2016 года. Со слезами на глазах оттого, что многих героев уже нет в живых и с гордостью в сердцах за наших славных воинов освободителей и не менее отважных тружеников тыла. Нам осталось только одно – память, и об этом очень сильно сказано в песне Владимира Высоцкого:

А когда отгрохочет, когда отболит и отплатится
И когда наши кони устанут под нами скакать,
И когда наши девушки сменят шинели на платица,
Не забыть бы тогда, не простить бы и не потерять.

В этом, наполненном живой болью стихотворении, поэт не призывает к мести и прочим кровавым свершениям, он зовёт к памяти о павших солдатах и ещё живых ветеранах той кровавой войны, которые волей судьбы уцелели на полях сражений. Нельзя забыть великие героические события войны, нельзя прощать тех, кто снова начинает таить чёрные помыслы о войне и коверкает память о тех событиях, как нельзя потерять чувства родства с людьми, что своим подвигом подарили жизнь будущим поколениям...

